

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-3>

УДК 316

Attribution

cc by

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПЕТЕРБУРГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОЛЛАПСА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ)**

Бабкина Е.В.¹, Зотов А.Ю.², Плотников В.В.³

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова^{1,3},

Волгоградской академии МВД России²

Аннотация. В статье в методологическом русле социологии управления рассматривается криминализация Петербурга второй половины XIX века как реальный кейс соотношения провалов миграционной политики, стихийных изменений урбанистики и трансформации криминальной среды. Пространство города в настоящем исследовании показано не как результат прямой криминализации, а как область институционального несоответствия между масштабом притока населения и возможностями городской системы управления. Петербург этого времени показывается как место притяжения сословной (в первую очередь, крестьянской) миграции, что изменило его социальный состав по множеству параметров (половозрастная дифференциация, экономические, правовые, образовательные и социокультурные аспекты). При этом фактический рост населения (почти в три раза за полвека) делает исследование актуальным кейсом, позволяющим исследовать современные быстро растущие метрополисы.

Ключевые слова: миграция, урбанистика, криминализация, Санкт-Петербург второй половины XIX века, аномия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**SOCIAL FACTORS BEHIND THE CRIMINALIZATION OF ST. PETERSBURG
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY (A RETROSPECTIVE ANALYSIS
OF ADMINISTRATIVE COLLAPSE IN THE SPHERE OF MIGRATION)**

Elena V. Babkina¹, Alexey Yu. Zotov², Vladimir V. Plotnikov³

Plekhanov Russian University of Economics^{1,3},

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia²

Abstract. Adopting the methodological framework of the sociology of administration, this article examines the criminalization of St. Petersburg during the second half of the 19th century as a case study illustrating the interplay between failed migration policies, spontaneous urban changes, and the transformation of the criminal landscape. The urban space is portrayed here not merely as a product of direct criminalization, but as a zone of institutional mismatch between the scale of population influx and the capacity of the city's administrative system. St. Petersburg during this period served as a magnet for migration based on social estate (primarily involving the peasantry), which altered the city's social composition across numerous parameters (including age-sex distribution, as well as economic, legal, educational, and sociocultural aspects). Furthermore, the actual population growth—nearly threefold over half a century—makes this study a relevant case for understanding contemporary, rapidly expanding metropolises.

Keywords: migration, urban studies, criminalization, St. Petersburg (second half of the 19th century), anomie.

Funding: Independent work.

Введение.

Вторая половина XIX века для Санкт-Петербурга стала периодом трансформации, социального усложнения и стремительного демографического прироста. Город, задумывавшийся как имперская витрина, административная столица и символ государственного порядка, оказался включен в процессы, которые не подчинялись прежней логике бюрократического конструирования пространства. Этому способствовал комплекс социальных факторов, среди которых наиболее существенными являлись:

- отмена крепостного права;
- развитие промышленности;
- технологический прогресс;

- специфика коммуникационной архитектуры;

- расширение рынка труда;
- растущая потребность столицы в дешевой рабочей силе.

Показательно, что изменения инициировались не только пребывающими в город, но и предпринимчивыми представителями богатых сословий, подключивших капитал в процесс стихийной застройки.

В результате, Петербург все менее был городом учреждений и все более становился городом прибывающих, «снимающих углы», работающих сезонно,

сохраняющих связь с деревней, но уже не живущих в деревенском порядке.

Таким образом, естественным образом сформировались предпосылки для изменения социально-демографических характеристик населения, что, в свою очередь, повлияло на ряд социальных процессов, складывавшихся в городе, включая области культуры, экономики, социально-правовых отношений, и, прежде всего – качественно-количественных характеристик социальных нарушений, фиксируемых на уровне города.

Исследовательский интерес к этому кейсу состоит не только в историческом описании городского роста, но и в социальной аналитике формирования и функционирования универсальных механизмов маргинализации городского пространства. Фактически, здесь начинает работать принцип: криминализация возникает не там, где появляется миграция как таковая, а там, где миграционный поток разрушает старые формы социального контроля быстрее, чем публичное управление создает новые формы включения.

Как таковая, проблема заключалась не в приездах крестьян, а в том, что город получил массу новых жителей, но продолжал мыслить их как временных рабочих, «пришлых», административно учитываемых, но социально не устроенных.

Материалы и методы. В ходе исследования применяются классические методы научного анализа, такие как анализ, сравнение, абстрагирование, дедукция и синтез. Также в рамках работы применяется исторический подход и теоретические положения структурного функционализма.

При исследовании поставленной проблемы для нас важны два понятия, через которые мы рассматриваем ее: «управленческий коллапс» и «аномия».

Понимание недостаточно эффективной управленческой функциональности основывается в настоящем исследовании сквозь призму работ выдающихся теоретиков урбанистики Петербурга, таких как Дж. Х. Бейтер [1], Д. Р. Брауэр [2], Э. Дж. Экономакис [3] и Р. Э. Зельник [5], а также О.В. Смуровой [12], Л. Лурье, А. Хитрова [8] и Б.Н. Миронова [11]

Опираясь на работы этих авторов, мы пришли к выводу о том, что управленческий коллапс для Петербурга второй половины XIX века означает не полное отсутствие власти, а гораздо более тонкое явление – власть видит движение населения, но не понимает, как превратить его в устойчивую городскую интеграцию.

Процесс естественной криминализации городского пространства мы рассматриваем в контексте исследования Дж. Нойбергера [4] и Б. Н. Миронова [10], тогда как возникновение и рост аномии – в контексте классических исследований Р.К. Мертона [9] и Э. Дюркгейма [6; 7].

Различие в понимании аномии здесь не противоречит исследовательской логике, напротив, мы полагаем, что в Петербурге второй половины XIX века на начальном этапе наличествовал рост аномии в

дюркгеймовском смысле (прошлые ценности – ценности крестьянской общины разрушены, а новые еще не оформлены); в дальнейшем, наличествовало усиление аномии в мертоновском смысле (Петербург принимал новых горожан, но не предоставлял институциональных механизмов достижения социального успеха).

Обсуждение. Результаты.

Статистика городских переписей убедительно показывает масштаб миграции. По данным переписи 1869 года, в Петербурге проживало 667 963 человека, из них крестьян обоего пола – 207 007. К 1890 году численность населения достигла 954 400 человек, а число крестьян – 501 746; таким образом, крестьяне стали не периферийной группой, а одной из главных социальных масс столицы [11]. При этом городская повседневность воспроизводилась преимущественно людьми, для которых Петербург не был наследуемым жизненным миром. Они входили в город (зачастую экстремально) через рынок труда, казарменное жилье, артель, землячество, трактир, фабрику, лавку, двор, но далеко не всегда через школу, семью, гражданскую общину и легальные институты самоуправления.

Крестьянская миграция в Петербург была неоднородной, но имела устойчивую географию и социальную логику. Существенную роль играли выходцы из Ярославской, Костромской, Тверской, Новгородской, Псковской, Архангельской и других губерний северо-западного и центрального пояса России [12].

Практика отходничества трансформировалась из разовой в сезонную, тогда как сезонная, как правило, закреплялась в виде уязвимой оседлости. Если в первые десятилетия эскалации миграции крестьянин проводил в столице значительную часть года, зарабатывал деньги, но сохранял семью, земельную привязку, обрядовую идентичность и символический центр жизни в деревне, то ближе к началу 20-го века речь идет, скорее, о появлении новой прослойки жителей столицы. При этом последствия «двойной локальности» сохранялись.

Мигрант был уже недостаточно деревенским для прежнего общинного порядка, но еще недостаточно городским для включения в устойчивую городскую структуру. Он находился в промежуточном состоянии, которое можно назвать институциональной лиминальностью. Здесь важно то, что в городской среде формировались параллельно существующие социальные слои, реальность и повседневность которых отличалась принципиально.

Город становился пространством не только сословного соседства, но и сословного трения.

Дворянско-чиновничий Петербург, купеческий Петербург, ремесленно-артельный Петербург, фабричный Петербург и Петербург низовой уличной экономики существовали рядом, но не образовывали единого морального порядка.

В отличие от деревни, где бедность могла смягчаться плотностью родственных, приходских и общинных связей, городская бедность становилась

анонимной [11]. Человек мог быть окружен тысячами людей и одновременно лишен признания, защиты и наблюдения. Возрастно-половая структура миграции усиливала напряжение городской среды. Молодой мужчина, оторванный от семьи, включенный в тяжелый трудовой режим, проживающий в перенаселенном помещении и не имеющий устойчивой перспективы восходящей мобильности, становился типичным персонажем модернизационного города.

Подобная ситуация объяснима через аномию в концепции Р.К. Мертона, но именно через его концепцию выстраивается закономерный вывод: отсутствие легальных институтов достижения социального успеха при долгом кризисе амортизируется маргинальной институциональностью.

При этом ситуация фактически развивалась без контроля и управления государственными органами, когда городская полиция могла задерживать, регистрировать, высылать, надзирать, однако, она не могла заменить жилье, трудовой договор, семейную социализацию, образование, санитарный контроль, социальную помощь и институциональное посредничество между деревней и городом.

Криминализация Петербурга была связана с расширением тех социальных промежутков, где официальная норма не исчезала, но утрачивала практическую действенность. Формируясь хаотично, стихийно, в условиях аномии в городе разрасталась социальная прослойка так называемого «дна». Именно здесь локализовывались зоны повышенного риска (пьянство, мелкие кражи, уличные драки, проституция, нелегальная торговля, мошенничество, насилие в трактирах и ночлежных пространствах).

Массовая крестьянская миграция обострила проблему перенаселенных квартир, углов, коек, ночлежек, рабочих казарм и трущобных зон. Здесь важно понимать, что жилище, с точки зрения социологии повседневности – это не только физическое укрытие, но и институт нормализации повседневности. Там, где отсутствуют семейные ритмы, приватность и устойчивое соседство, где жилье превращается в место кратковременного сна, резко снижается плотность морального контроля. Эти места становились пространством альтернативной социализации. Фактически, здесь маргинализация воспроизводилась и институционализировалась, когда вчерашние крестьяне учились городским навыкам, но далеко не всегда навыкам легального поведения.

В пространстве постоянного двора, ночлежки, трактира и рабочих казарм формировалась своеобразная культура выживания, где граница между допустимым и преступным могла становиться подвижной.

Следует отметить, крестьянская миграция не разрушала город однозначно. Напротив, она строила, обслуживала, кормила и экономически оживляла Пе-

тербург. Без нее невозможны были промышленное развитие, торговля, транспорт, коммунальное обслуживание, строительство, бытовая инфраструктура. При этом сама экономика и управленческая система города способствовала возникновению криминогенных ниш. Для части мигрантов преступление становилось не выражением устойчивой криминальной идентичности, а ситуативной стратегией адаптации в условиях неопределенности. В этом смысле, мелкая преступность была не столько «профессией», сколько побочным языком городской бедности. Теневая экономика здесь зачастую соседствовала с легальной, а как таковой город, хоть и нуждался в гибком, дешевом и дисциплинируемом труде, но не обеспечивал соответствующей социальной защиты.

Основной смысл управленческого коллапса заключался в том, что город зависел от мигрантов функционально, но не признавал их полноценными субъектами городской жизни. Изменение урбанистики также было противоречивым: необходимо было обеспечить доступным жильем, приносящим сверхприбыль огромное количество приезжих, но, при этом они сами не воспринимались как равноценные социальные субъекты (скорее, как средства). Они были нужны как рабочие руки или как источник дохода за счет ренты, но нежелательны как социальное присутствие. Такой разрыв между экономическим включением и гражданско-институциональным исключением является одним из ключевых механизмов криминализации.

Таким образом, в рамках охваченного круга вопросов, сохраняет дискуссионный характер проблематика точной оценки уровня влияния крестьянской миграции на криминализацию Петербурга. Вместе с тем, сам факт влияния данного фактора на социально-демографические и экономические характеристики населения, условия проживания и склонность к криминализации нами установлен и обоснован с достаточной точностью.

Заключение.

Современные быстро развивающиеся метрополии также не лишены обозначенных противоречий, присущих Петербургу второй половины XIX века. Сейчас все также универсально работает принцип: когда город использует мигранта экономически, но оставляет его в состоянии социальной временности, возникают зоны аномии.

На наш взгляд, аналогия, проведенная в исследовании очевидна. Например, рост населения таких современных городов, как Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону происходит также естественно и стихийно, что актуализирует вопрос о качественном регулировании, основанном на понимании «длинной дистанции», а не получении сиюминутной прибыли.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Bate J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1976. XXIV, 469 p.
2. Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1990. XIV, 253 p.
3. Economakis E. G. From Peasant to Petersburg. London: Palgrave Macmillan, 1998. XI, 212 p. DOI: 10.1057/9780230373549
4. Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. XIV, 324 p. DOI: 10.1525/9780520913073
5. Zelnik R. E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford: Stanford University Press, 1971. VIII, 450 p
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. П. Юшкевича. М.: Канон, 1996. 432 с.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. А. Н. Ильинского; под ред. В. А. Базарова. М.: Издательство Юрайт, 2019. 316 с. ISBN: 978-5-534-10054-9 EDN: BRSABM
8. Лурье Л., Хитров А. Крестьянские землячества в российской столице: ярославские "питеричики" // Невский архив: историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. Вып. 2. С. 307–354.
9. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: современные буржуазные теории / пер. с фр. Е. А. Самарской; ред. перевода М. Н. Грецкий. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
10. Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX - начале XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24–42. EDN: RSNPXD
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
12. Смурова О.В. Крестьянин-отходник в полиэтническом и многоконфессиональном пространстве Санкт-Петербурга: пореформенный период // Рябининские чтения - 2011. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 170–172.

References:

1. Bate J. H. St. Petersburg: Industrialization and Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1976. XXIV, 469 p.
2. Brower D. R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1990. XIV, 253 p.
3. Economakis E. G. From Peasant to Petersburg. London: Palgrave Macmillan, 1998. XI, 212 p. DOI: 10.1057/9780230373549
4. Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. XIV, 324 p. DOI: 10.1525/9780520913073
5. Zelnik R. E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford: Stanford University Press, 1971. VIII, 450 p
6. Durkheim E. On the division of social labor / translated from French by P. Yushkevich. Moscow: Canon, 1996. 432 p.
7. Durkheim E. Suicide. A sociological study / translated from French by A. N. Ilyinsky; edited by V. A. Bazarov. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 316 p. ISBN: 978-5-534-10054-9 EDN: BRSABM
8. Lurie L., Khitrov A. Peasant communities in the Russian capital: Yaroslavl "Petersburgers" // Nevsky archive: historical and local history collection. Moscow; St. Petersburg, 1995. Issue. 2. pp. 307–354.
9. Merton R. Social structure and anomie // Sociology of crime: modern bourgeois theories / translated from French by E. A. Samarskaya; edited by M. N. Gretskey. Moscow: Progress, 1966. pp. 299–313.
10. Mironov B. N. Crime in Russia in the XIX - early XX century // National History. 1998. No. 1. pp. 24–42. EDN: RSNPXD
11. Mironov B. N. The social history of Russia during the Empire period (XVIII - early XX century): the genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law: in 2 volumes. 3rd ed., ispr. and add. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003.
12. Smurova O.V. Peasant-otkhodnik in the multiethnic and multi-confessional Space of St. Petersburg: the Post-Reform Period // Ryabinin Readings - 2011. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. pp. 170–172.

Информация об авторах:

Бабкина Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Babkina2@mail.ru

Зотов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, zotov@mail.ru

Плотников Владимир Валериевич, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, inkognito13@inbox.ru

Elena V. Babkina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics.

Alexey Yu. Zotov, PhD in Law, Associate Professor; Head of the Department of Theory and History of Law and State at the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vladimir V. Plotnikov, Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Associate Professor. Professor of the Department of Public and Municipal Administration at the Plekhanov Russian University of Economics.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.06.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.06.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.